

ПАТКАНЯН И НЕКРАСОВ

(типология творчества)

ЕРВАНД ЧИЛИНГАРЯН

В 50-х гг. XIX в. одним из важнейших вопросов современности стал вопрос об отношении художника к действительности. Либо теория «чистого искусства» с ее возвышенным «витанием в облаках», с ее отдаленностью от мирских забот, либо принципы натуральной школы, поэзия действительности, «потрясающей тины мелочей», внимательный анализ происходящих событий и смелое вторжение в жизнь. Либо спокойное существование—либо тернистый путь, «запретный», преследуемый привилегированными классами. Личности Патканяна претил уход от действительности. Отдав мимолетную дань поэзии чистого искусства в виде нескольких незначительных стихотворений, Патканян находит свое истинное призвание в активной, боевой позиции поэта-гражданина, которого не страшит тернистый путь.

В обществе позиция художника-гражданина в первую очередь ассоциировалась для него с творчеством Гоголя и Некрасова, а стихотворение «Блажен незлобивый поэт...» считалось манифестом реалистического и сатирического искусства, который «...впервые на языке поэзии определил пафос гоголевской школы и нанес сильный удар защитникам «чистой эстетики»¹. Стихотворением «Два поэта»² Патканян подчеркивал близость своей творческой позиции к Гоголю и Некрасову. Так же, как и в лирическом отступлении Гоголя из «Мертвых душ» (т. I, гл. 7) и стихотворении Некрасова «Блажен незлобивый поэт...», в произведении Патканяна противопоставлены два поэта—незлобивый и сатирик—которые олицетворяют два направления современности: «чистое искусство» и гражданское служение народу. Блаженство «незлобивого поэта» основано на избирательном взгляде на мир (сквозь «розовые очки») и на поразительной «слепоте» к нуждам народа. Та же толпа, которая высоко возносит его, злобно преследует поэта-гражданина, истинного патриота своей родины, дерзнувшего обратить внимание на отрицательное в жизни.

В качестве эпиграфа к «Двум поэтам» Патканян взял строки из упомянутого программного стихотворения Некрасова: «Блажен незлобивый поэт, в ком мало желчи, много чувства!...». После заглавия написано—«подражание», после строк эпиграфа—фамилия Некрасова. Казалось бы, все ясно—прямо и недвусмысленно указан оригинал. Однако существует еще одно свидетельство Патканяна, в котором отмечено, что «Два поэта»—это подражание Некрасову и Гоголю³. На наш взгляд, никакой ошибки тут не будет, если считать эпиграф указанием на *основной* (но не единственный) источник «подражания». Руководствуясь этим положением, мы сопоставили текст «Двух поэтов» с го-

¹ «История русской литературы в 4-х томах», т. 3, Л., 1982, с. 348.

² Об этом произведении, имеющем программное значение, писали многие исследователи творчества Патканяна. Мы постараемся избежать повторов и сосредоточим наше внимание на связанных с ним малоисследованных до сих пор аспектах.

³ «Црлшшшр», 1892, № 30.

голевским лирическим отступлением в 7-ой главе «Мертвых душ» и стихотворением «Блажен незлобивый поэт» Некрасова. При этом мы учли, что Некрасов при создании своего стихотворения также воспользовался лирическим отступлением Гоголя.

Текст Гоголя

«...а между тем далеко и громко разносится его слава. Он окурил упоительным куревом людские очи; он чудно польстил им, сокрыв печальное в жизни, показав им прекрасно-го человека. Все, рукоплещая, несется за ним и мчится вслед за торжественной его колесницей. Великим всемирным поэтом именуют его, парящим высоко над всеми другими гениями мира...».

Текст Некрасова

«Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой...
И современники ему
При жизни памятник готовят...
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрица-
ния,—
И только труп его увидя...».

Текст Патканяна

«...Твоя слава дошла до дальних стран.
...Мир действительно полюбил тебя, ибо не услышал от тебя плохого слова.
...Твой сладкий язык, благозвучная лира, чувствительная душа пленили весь мир. С увенчанной лаврами головой, ты с блеском возвращаешься среди людей.
...(мир) Тебя удостоил сонма героев».

Текст Патканяна

«...Ибо (мир) не услышал от тебя плохого слова.
...Но когда нужно было обличать зло, твоя лира сразу же вешалась на стену.
...И еще душа не покинула твое тело, как (мир) воздвиг тебе памятники из металла.
...Узнали, что есть также и такая любовь, которая покрыта толстым слоем насмешки.
...Но когда его бездыханное тело».

(подстрочный перевод)

Сопоставление текстов показывает, что «Два поэта» действительно написаны под влиянием лирического отступления Гоголя и стихотворения «Блажен незлобивый поэт» Некрасова, причем, с прямым заимствованием ряда образов оригиналов. Но, на наш взгляд, Патканян не ограничился только этим стихотворением Некрасова, в «Двух поэтах» он использовал еще и яркий образ некрасовской «музы» из произведения «Безвестен я», правда, в несколько измененном виде. У Некрасова—муза, у Патканяна—поэт:

«Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом *без звука умерла*⁴». (Некрасов)

(поэт) «*Не дрогнув*, прошел по этой жизни,
С невозмутимой душой, со светлым челом.
И до *последней минуты своей жизни*
*Из сердца не извлек ни стоны, ни плача*⁵». (Патканян)

(подстрочный перевод)

⁴ Подчеркнуто нами.

⁵ Подчеркнуто нами.

Пожалуй, нет смысла доказывать, что Патканян отлично знал это некрасовское стихотворение, тем более, что его первая часть была использована им в качестве эпиграфа к поэме «Смерть храброго Вардана Мамикояна»:

«Стихи мои—плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Сокрытых слез и думы боязливой». (Некрасов)

Очевидно этот эпиграф был снят цензурой (II, 305)⁶.

Есть некоторые основания предполагать, что по духу и направленности стихотворение «Два поэта» Патканяна имеет связь с «Поэтом и гражданином» Некрасова⁷.

Прежде всего отмстим одно любопытное обстоятельство, нуждающееся в комментарии. В письме к Г. Каианияну, написанном в начале марта 1856 г., Патканян сообщает о разговоре, который произошел между ним и попечителем Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным. Вольнослушателю Патканяну было предложено либо уйти из университета, либо стать действительным студентом. Патканян ответил, что желает остаться в университете, поскольку «хочет быть полезным гражданином» (VI, 92). Эти слова в письме выделены, Патканян придает им особое значение, подчеркивает их особый смысл, понятный Каианияну—идейному руководителю кружка Гамар-Катипа. Об этом двойном смысле, который приобрело слово гражданин в то время, можно узнать из слов товарища министра народного просвещения П. А. Вяземского в проекте распоряжения по цензурному ведомству по поводу стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин»: «...тут идет речь не о нравственной борьбе, а о политической... здесь говорится не о тех жертвах, которые каждый гражданин обязан принести отечеству, а говорится о тех жертвах и опасностях, которые угрожают гражданину, когда он восстает против существующего порядка и готов пролить кровь свою в междоусобной борьбе или под карою закона»⁸.

В стихотворении «Два поэта» Патканян открыто поддерживает позицию поэта-сатирика, который в поисках правды готов восстать против существующего порядка вещей. Следовательно, быть полезным гражданином в трактовке Патканяна означает—принадлежать к передовому, демократическому лагерю. Значит, выделяя эти слова, сказанные царскому вельможе, Патканян подчеркивает их именно второй, «политический» смысл.

Подобная позиция Патканяна, несомненно, сходится с позицией Некрасова, которая наиболее ярко проявилась в стихотворении «Поэт и гражданин». Отметим, что и Некрасов, и Патканян могли воспользоваться строками из двух произведений поэта-декабриста К. Рылеева—стихотворения «Гражданин»⁹ и, особенно, посвящения к поэме

⁶ Здесь и далее произведения и письма Р. Патканяна цитируются в скобках по изданию: Р. Պատկանյանի երկերի լրացված և համառոտ, Երևան, 1963—74. Римская цифра указывает том издания, арабская—страницу. Перевод писем и подстрочный перевод произведений Р. Патканяна наш—Е. Ч.

⁷ Впервые это предположение в общем виде было высказано М. Сагиян (V. Սահյանի, Ռաֆայել Պատկանյանի, Երևան, 1980, էջ 139).

⁸ Н. А. Некрасов, Полное собр. соч. и писем в пятнадцати томах (далее—ПСС), т. 2, Л., 1981, с. 334.

⁹ «Вольная русская поэзия второй половины XVIII—первой половины XIX века», Л., 1970, с. 360. Имеются в виду строки:

Կարկռ 1—3

«Войнаровский»¹⁰, которые после казни автора были запрещены и распространялись в рукописи.

Немаловажное значение имеет и следующее совпадение в текстах «Двух поэтов» и «Поэта и гражданина». Укажем на первую строку «Двух поэтов» — у Патканяна «сладкоречивый поэт», «сладкоязычный», «сладкозвучный», что не совсем идентично образу из Некрасовского стихотворения, взятого в качестве эпиграфа — «незловивый поэт». Патканьяновский образ «сладкоречивого поэта», быть может, имеет прямое отношение к следующим строкам из «Поэта и гражданина»:

«Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — *сладкие певцы*,
А третьи... третьи — мудрецы»¹¹. Некрасов)

Впрочем, отметим, что создавая образ «сладких певцов», Некрасов имел в виду известные пушкинские строки из стихотворения «Поэт и толпа», игравшие ключевую роль для творчества поэтов — сторонников «чистого искусства».

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков *сладких* и молитв».

Знаменательно, что оба поэта-гражданина — Некрасов и Патканян — сумели точно определить сущность поэзии «чистого искусства», ее «сладкозвучность». Напомним, что стихотворение «Два поэта» Патканяна было написано до мая 1856 г., а Некрасов закончил «Поэта и гражданина» в июне 1856 г., следовательно, оба поэта пришли к данной «формулировке» независимо друг от друга. В этом лишнее свидетельство того, что мысль Патканяна работала в одном направлении с мыслью Некрасова — великого русского поэта, который в 1856 г. стал лидером русской поэзии.

К чести Патканяна, он сумел предугадать это — ведь неслучайно именно в 1856 г. он первым перевел Некрасова на армянский язык. За 2—3 месяца до выхода в свет «Стихотворений Н. Некрасова» и последовавшего сразу же ошеломляющего успеха этой книги в русском обществе Патканян помещает в «Тетрадах Гамар-Катипа» вольные переводы стихотворений «Блажен незловивый поэт», «Нравственный человек», а чуть позже — и свое стихотворение «Благое наставление», которое, безусловно, также навеяно стихотворением «Блажен незловивый поэт» Некрасова. Итак, подчеркнем этот весьма любопытный факт: в отличие от первых двух выпусков, последующие три выпуска

«Я ль буду в роковое время
Позорить Гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?».

¹⁰ Там же, с. 359. Имеются в виду строки:

«Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства,
Зато найдешь живые чувства;
Я не поэт, а Гражданин».

¹¹ Подчеркнуто нами.

«Тетрадей Гамар-Кати́па» *открываются* программными стихотворениями, имеющими прямое отношение к программным произведениям Некрасова¹². Тем самым Патканян еще раз декларативно подчеркивает свою приверженность к принципам натуральной школы.

В связи с этим интересно будет проследить за развитием одной из ключевых тем в творчестве Патканяна—темы «поэта и музыки». Патканян неоднократно обращался к этой теме. Еще в 1855 г., отдавая дань романтическому пессимизму, молодой поэт в глубоко пессимистичном стихотворении «Моя песня» пишет:

«Я спел песню изящную и сладкую,
Звук моей лиры—мягкий и нежный.
Неужели такой безжалостной будет река Лета,
Что даже мое имя она сделает безвестным». (I, 45)

Как подходят эти строки к тихой, спокойной лире «незлобивого поэта». В этом стихотворении печаль непонятого толпой поэта перемежается с сокровенной надеждой остаться в людской памяти. Правда, в стихотворении «Моей лире», словно отрешаясь от этих мыслей, Патканян пишет:

«Приди, о лира, Афродита, вновь зазвучи в моей руке,
Зачем ты, безмолвная, висишь на стене?
Мне повелел Анакреон быть своим избранным
наследником». (I, 48)

Но все-таки оба стихотворения глубоко личные, в них нет мыслей поэта-гражданина, нет формул Гоголя и Некрасова, которые перешли в дальнейшем в творчество Патканяна. Тема «поэт и муза» решается в традиционной для подобных стихотворений форме: «Но как быстро опечалилась ты, лира, от слов грубой толпы. Не обращай внимания на суд глупца, звучи вольно, нет тебе границ и т. д.» (I, 48).

«Два поэта» имели решающее значение для дальнейшей разработки Патканяном темы «поэт и муза». Как уже было сказано выше, с этого переложения начинается формироваться «сатирическое» направление в творчестве Патканяна с четкой фиксацией социальных аспектов. И если в «Двух поэтах» чувствуется некоторая нечеткость, рыхлость в передаче некрасовских формул, то в «Благое наставление» имеются строки, в которых выражена одна из классических некрасовских формул—формула «любви-ненависти»:

«Любить умеешь, умей, умей ты ненавидеть,
Что душа считает достойным ненависти». (I, 73)

В этой формуле заключено веление времени, эпохи. Это проповедь любви «враждебным словом отрицанья», сознание того, что «то сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Словом, высокая любовь и высокая ненависть отныне становятся характерными для творчества Патканяна.

¹² Еще одной точкой соприкосновения Патканяна с Некрасовым, возможно, является... цензура. Об ожидаемом успехе книги Некрасова Патканян мог узнать от либеральных цензоров—писателя Гончарова, с которым Патканян поддерживал тогда близкие отношения, и Бекетова, который был цензором «Тетрадей Гамар-Кати́па», «Современника» и «Стихотворений Некрасова».

Можно привести еще несколько подобных примеров. Так, в одном из стихотворений 1887 г., обличая пороки богачей, духовенства, горько сетуя на несбывшиеся надежды национального освобождения, Патканян каждую строфу заканчивает саркастическим рефреном: «Но ты, поэт, пиши о хороших вещах»—не надо писать о плохом, все равно никто тебя слушать не будет (I, 201). Далее, Патканян вновь напоминает о печальных звуках своей лиры в стихотворении «Не думайте, что ради славы...», а маленькое стихотворение «Жемчужина» кончает словами: «Поэт, не беда, что в твоём сердце есть большая скорбь. Из твоей скорби должен возникнуть завет для народа».¹³

Определив свое отношение к «двум поэтам», остановив свой окончательный выбор на «музе с терновым венцом», Патканян должен был выяснить главное поле своей деятельности как поэта-сатирика. Выбор принципов натуральной школы в качестве основополагающих и обращение Патканяна к действительности неизбежно должно было привлечь его внимание к жизни и деятельности привилегированных классов армянского общества—ведь именно их устраивал современный социальный уклад, именно они пользовались всеми его благами. Патканян должен был обратить свое гневное перо против угнетателей всех видов и рангов, которые под прикрытием и при прямом содействии самодержавия грабили народ, отбирая последние гроши. Применительно к армянской действительности это была, конечно, прежде всего армянская крупная буржуазия, которая, в силу исторических обстоятельств, в подавляющем большинстве являлась торговой. Не создавая никаких ценностей, эти купцы-накопители с помощью разных ухищрений наживались на перепродаже. При этом они покрывали свой обман лицемерием, фарисейскими утверждениями о постоянной готовности помочь народу, Родине. Высокая любовь к Родине предопределила высокую ненависть Патканяна к лицемерию «правдивых», а фактически—безнравственных людей, и к действительности, порождающей таких людей. Учитывая, что в обществе немалую известность получило стихотворение Некрасова «Нравственный человек», в котором беспощадно разоблачался именно подобный фарисействующий негодяй, типичный как для русской, так и для армянской действительности, Патканян почти одновременно с «Двумя поэтами» осуществил вольный перевод «Нравственного человека». Свой перевод Патканян озаглавил «Безвредным человеком»¹⁴. Сохранив главную идею оригинала,—разоблачение чудовищного лицемерия и благонамеренного фарисейства привилегированных классов,—Патканян сохранил и по-

¹³ Интересно, что некрасовская формула «любви—ненависти» употребляется в одном из писем Патканяна, написанных в период творческого кризиса поэта в 1863 г.: «...Нет во мне сердца,—пишет поэт,—которое умело и любить, и ненавидеть (подчеркнуто нами—Е. Ч.). Теперь, если я делаю какое-либо полезное дело, либо решаю его сделать, это понимаю как продолжение того курса, который получил когда-то..., но ничего обновляющего и творческого во мне не осталось» (VI, 259). Любопытно, что Керопэ Патканян также характеризует Рафаэла этими словами: «Любить ты умел, но также—ненавидеть и враждовать, в то время как я только любить умел...» (VI, 573). Хотя эти строки и касаются личных отношений двоюродных братьев, но формула употребляется некрасовская—настолько прочно она слилась с патканяновской.

¹⁴ Быть может, это название связано со строкой 116 «Поэта и гражданина»:

«Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных...» (Некрасов)

хожие на формулу последние строки каждой строфы: «Живя согласно с строгою моралью, я никому не сделал в жизни зла». Однако поскольку перевод был типичной локализацией (т. е. арменизированной), примеров «нравственного» поведения по отношению к жене, «уличенной с полицией» в доме любовника и «истерзанной позором и печалью», а также к вопросу, «отечески» высеченному из-за пристрастия к чтению и рассуждениям—у Патканяна нет. Пример с женой был бы воспринят армянскими читателями отрицательно, а пример с крепостным крестьянином-поваром не был характерен для армянской действительности. Несколько видоизменен еще один пример: из-за копеечного долга в тюрьму идет не приятель «нравственного человека», а его собственный сын. В целом, у Патканяна на один пример больше и все пять случаев довольно типичны для какого-нибудь армянского города, вроде Нор-Нахичевана¹⁵. Патканян верно почувствовал чрезвычайную важность раскрытия этого типа во всей его прелестной «красоте».

Как известно, стихотворения Некрасова «Нравственный человек» и «Современная ода» тематически взаимосвязаны. Кроме того, оба написаны с использованием одного и того же приема эзоповской речи. В «Мастерстве Некрасова» К. Чуковский приводит семь приемов эзоповской речи, использованных Некрасовым и другими революционными демократами 50—60-х гг. для преодоления цензурных рогаток. Шестой из них применялся в «Современнике» особенно часто—«прием заведомо неверных высказываний, диаметрально, противоположных убеждениям автора»¹⁶. Как раз этим приемом и написаны «Современная ода» и «Нравственный человек». Этим же приемом воспользовался и Патканян. Причем, пользовался им неоднократно. В подобном ключе написаны и другие произведения, посвященные проблеме «нравственных» и «безвредных» людей. Пожалуй, это целый цикл. Одним из основных произведений этого цикла является стихотворение «Прекрасный человек». Очевидна прямая связь «Прекрасного человека» (1878) с «Безвредным человеком» и, одновременно, с «Нравственным человеком» и «Современной одой»¹⁷ Некрасова. Немало и конкретных деталей, среди которых наиболее важной является построение стихотворения и рефрен, вновь похожий на формулу:

¹⁵ Отметим, кстати, что Патканян вводит в перевод еще одну любопытную «местную» деталь—неоднократное повторение цифры 6. Дочь «безвредного человека», сильно отданная слепому богачу, умирает через 6 месяцев. Слуга, разбивший дорожное зеркало и, в отместку, шесть лет проработавший после этого даром, умирает, не дожив до седьмого года, который принес бы ему освобождение. Цифра 6 повторяется четыре раза и, видно, неспроста. При сотворении мира Бог, как известно, работал 6 дней, на седьмой он отдыхал. На шестой же день он создал животных—животная, нечеловеческая жизнь слуги, дочери подтверждается цифрой 6. Сходная деталь есть и в стихотворении земляка Патканяна—М. Налбандяна «Шестая заповедь—не прелюбодействуй». Там речь идет о том, что Папа Пий VI нарушил шестую заповедь. Это, так сказать, на поверхности. Но Налбандян в последних двух строках специально подчеркивает особый смысл цифры 6—вероятно имея в виду «нецерковные» помыслы Папы Пия VI.

¹⁶ К. Чуковский, Мастерство Некрасова, М., 1971, с. 689.

¹⁷ На связь «Прекрасного человека» с «Современной одой» первым указал литературовед С. Даронян («Некрасов и армянская общественность (50—60 гг. XIX в.)» («Некрасов и литература народов Советского Союза», Ереван, 1972, с. 181)). Более всего Патканяну, видно, понравились две первые строки «Современной оды»

«Но если б таких, как ты, было бы много,
Беда свалилась бы на нашу голову». (II, 74)

Каков же этот «прекрасный человек», который заслужил хвалу людей, их любовь? Возникает образ человека, который не любит шума и гама, ссор и драк, который деловит и трудолюбив. Чем же занят этот тихий, спокойный человек? Дни и ночи он занят «деланием денег» и ни за что не отступится от своего любимого дела. Благополучие этого господина покоится на массе жертв, его «индивидуализм» порожден законом джунглей—«каждый сам за себя». Важнейшей целью жизни «прекрасного человека» являлось накопление денег. После своей смерти он оставил в наследство те же деньги и свою «денежную», накопительскую мораль, которая подобно раковой болезни всецело завладевает человеком. Наследники быстро забыли о нем. Его могила заброшена, никто не знает, кто в пей лежит—человек ли, собака ли. Зло все же порой наказывается, хочет сказать Патканян, хотя бы и так своеобразно.

В маленькой «Эпитафии» обрисован уже «достойный человек». Патканян с убийственным сарказмом описывает его «благие дела», которые заключаются только в «загрузке» и «разгрузке» желудка.

«Под этим камнем похоронен достойный человек,
Который сделал много прекрасных дел:
Полдня загружал (едой) свой огромный живот.
Полдня разгружал его в туалете—
За это у него есть большая надежда
Удостоиться небесной славы». (II, 85).

Еще с одним представителем этого типа мы встречаемся в «Первоклассном человеке». Стихотворение небольшое, но в нем приведена целая биография этого человека, показаны ступени его развития и фарисейство, окружавшее его с самого детства. Такой же «добродетельный» человек обрисован в стихотворении «Дело и претензии». Он спокойно и деловито рассуждает о своей набожности, о прекрасной и вкусной еде, о драгоценностях жены, о миллионе, который накопил, откладывая на «черный день», о своих добродетелях. И каждый раз (всего—8) не без самодовольства вопрошает: «Ну что, хороший я человек?».

Можно было бы привести еще ряд конкретных примеров, но и указанных достаточно, чтобы сделать вывод—раскрытие образа армянского «нравственного человека» во всех его проявлениях является одним из узловых моментов в творчестве Патканяна. Расшифровка Патканяном армянского «нравственного человека» генетически связана с творчеством Некрасова (и немного опосредовано—с Гоголем). Первоначальная связь («Два поэта», «Безвредный человек»), казалось бы прерванная в период «молчания» Патканяна, его семилетнего добровольного самоотлучения от литературы, в дальнейшем возобновляется. Но уже в несколько ином качестве: гоголевское и некрасовское настолько глубоко сливается с патканяновским, что становится в творчестве Патканяна единым, неделимым и, можно сказать, вполне самостоятельным компонентом. Насколько самостоятельным, что, ис-

Некрасова. Однажды, в очередной раз поссорившись с двоюродным братом Керопз, Рафаэл сердито отвечает ему строками из «Современной оды»: «Украшают тебя добродетели, до которых другим далеко... Тартюф, пошел ты к черту» (VI, 201). В письме Патканяна эти слова на русском языке.

следуя патканяновский цикл нор-нахичеванской прозы, подчас трудно определить, идет ли речь о влиянии Гоголя, Некрасова или натуральной школы, либо здесь соответствия типологические.

Общая база—отношение писателя к действительности, общий «обличительный» подход к явлениям действительности часто приводит к типологической близости, одинаковым или однотипным явлениям в творчестве художников, не связанных моментом непосредственного влияния. Такова и типологическая близость различных вариантов патканяновского «безвредного человека» со следующими произведениями поэтов-искровцев и других шестидесятников: «Ископаемым человеком» Н. Курочника, «Негордым человеком» П. Вейнберга, «Умеренным человеком» И. Можайского, «Нужным человеком» А. Иванова¹⁸.

«Негордый человек» П. Вейнберга заявляет, что вся его жизнь и все его достижения связаны с отцовским наказом:

«Мой сын, ничем не брезгай в мире,
Смотри
И все, что только брать возможно,
Бери!»¹⁹

В этих словах заключена философия и гоголевского Плюшкина и «нравственного человека», который даром не обидит и гадины, но за свою «кровную» копейку пойдет по трупам. Таков же и патканяновский «безвредный человек». Таков же и «нужный человек» А. Иванова, который прямо-таки «заряжен» на угодничество. Со своим «кошачьим чутьем» он «все видит и слышит», «зорко смотрит, тихо дышит» и благодаря этим «блестящим» качествам является незаменимым служакой. А главные его качества—плутовство, фарисейство и готовность пойти на все. Перед нами все тот же «нравственный человек».

«Хоть не раз свою личину
Переменит он,
Но под каждую причину
Подведет закон»²⁰.

Любопытная деталь. Патканян иногда также сравнивает своих нравственных персонажей-накопителей с котами, отлично приспособленными, чтобы бесшумно настичь жертву. К примеру, в стихотворении «Как кошечка...» сам персонаж рассказывает, как своими лапками он проделывает механизации с векселями, надувает всех, в том числе и московских дельцов. Он полагает, что вполне достоин всенародного возгласа «браво!» и избрания его головой.

Мы подробно остановились на проблеме «нравственного человека», чтобы показать наличие в данной теме у Патканяна и момента влияния, и типологического сходства с творчеством Некрасова и Гоголя, других поэтов-шестидесятников²¹.

¹⁸ Родословная этих произведений, несомненно, восходит к «Нравственному человеку» Некрасова.

¹⁹ «Поэты Искры», т. 2, Л., 1955, с. 633.

²⁰ «Сатира 60-х годов», М.—Л., 1932, с. 104.

²¹ Однако данной темой отнюдь не исчерпывается важнейшая задача сатиры Патканяна—показать абсолютную моральную пустоту, никчемность людей, составляющих «элиту» нации. С помощью грозного, неотразимого сатирического оружия Патканян разоблачает эти человеческие типы. Тема «нравственного человека», факти-

ՊԱՏԿԱՆՅԱՆԸ ԵՎ ՆԵԿՐԱՍՈՎԸ
(ստեղծագործության տիպարաբանություն)

ԵՐՎԱՆԻ ՁԻՒՆԴԱՐԱՆ

Ա մ ֆ ո փ ու մ

Ռ. Պատկանյանն իր ստեղծագործություններով XIX դարի 50-ական թվականների կեսերին ընդհուպ մոտեցավ քաղաքացի-բանաստեղծի ակտիվ դիրքորոշմանը, որը մեծապես բնորոշ էր ողու մեծ գրողներ Գրգորի ու Նեկրասովի ստեղծագործություններին: Դա առավելապես արտահայտվեց 1856 թ. դրած «Երկու բանաստեղծ» գործում: Տիպարաբանական սերտ կապ է նկատելի հայ գրողի «Բարի խրատ», «Մարգարիտ» և այդ թեմայով Նեկրասովի գրած «Անհայտ եմ», «Պոետն ու քաղաքացին», «Երանի անլար այն բանաստեղծին» գործերի միջև: Պատկանյանը փոխադրում է ողու գրողի «Բարության մարգ» բանաստեղծությունը (վերնագրում է «Անվնաս մարդը»)՝ պահպանելով բնագրի հիմնական գաղափարը, մերկացնելով վերնախավի հրեշավոր երեսպաշտությունն ու «ուղղամիտ» փարիսեցիությունը: Այս թեմայով նա ստեղծում է մի շարք գործեր («Աղէկ մարթ», «Տապանագիր», «Սրայի մարգ», «Գործ ու պահանջմունք»), որոնցում տիպարաբանական կապ է նկատվում Նեկրասովի «Գաղտնիք», «Բարության մարգ», «Ժամանակակից ներքող» և այլ գործերի հետ:

чески, является стержневой частью, сердцевинной большой проблемы, которую Патканян называет проблемой «ходячих трупов». По сути, разработке этой большой проблемы посвящены и обе части поэтического цикла «Нор-нахичеванской лиры», и подавляющая часть нор-нахичеванской прозы Патканяна.